

— Хватит, у тебя в этой маленькой головке место только на мысли о том, что сегодня на ужин,
— Гу Чжису, увидев, что она все поняла, улыбнулся и повернулся. Снимая плащ, он задумчиво произнес:

— Однако если придется устраивать похороны, еду из большой кухни, вероятно, придется покупать на деньги. Наши накопления показывать нельзя, поэтому каждый день ты должна ходить на большую кухню и брать сколько возможно еды. Даже если она остынет или будет без жира — ни слова, просто приноси её в ланч-боксе и закапывай где-нибудь.

Цинхуань приняла плащ Гу Чжису. Мысль о том, что её хозяину снова придется есть холодную или плохую еду, заставила её нахмуриться. Но когда она услышала приказ Гу Чжису закапывать эту еду, она от удивления широко раскрыла глаза:

— Тогда, господин, что мы будем есть, если не возьмем еду с большой кухни?

Гу Чжису вошел в комнату, взял чай из рук Ляньчжу и, проводя пальцем по белой нефритовой груше, тихо сказал:

— Не волнуйся, от голода не умрешь.

На следующее утро известие о внезапной смерти третьего господина из клана Гу разнеслось по всему Минду.

В третьем дворе резиденции князя И царила атмосфера траура, пока многочисленные соболезнующие, услышав шум снаружи, не увидели входящего евнуха с императорским указом, который объявлял дочь клана Гу супругой наследного принца и предписывал свадьбу в период траура. Это вызвало бурные обсуждения среди жителей Минду.

Третий двор потерял своего главу, но получил супругу наследного принца. Многие знатные люди Минду считали, что госпожа Цянь из третьего двора была слишком удачлива, а то, что главный дом клана Гу уступил эту возможность, указывало на то, что Гу Хайтан действительно потеряла невинность. Иначе такая прекрасная возможность не была бы просто передана третьему двору князем И. В то время как в Минду бушевали скрытые страсти, в отдаленной части усадьбы клана Гу царили мир и покой.

На грушевом дереве постепенно распускались нежные листья, и хотя ранняя весна все еще была холодной, сидеть под навесом некоторое время было вполне комфортно.

Видя, что погода в последние дни стояла хорошая, Гу Чжису велел Цинхуань вынести жаровню на улицу, а сам полулежал на каменной скамье, читая путевые заметки. Поэтому, когда Синь Юаньань вошел во двор, он увидел, как его возлюбленный лежит на краю галереи, его бледные пальцы мягко скользят по красным пометкам на страницах книги, а на губах играет легкая улыбка.

Это было очень соблазнительно.

Гу Чжису, погруженный в чтение, услышал шаги, но не успел поднять голову, как его накрыла тень, и он встретился взглядом с темно-синими глазами человека, губы которого изогнулись в слабую улыбку.

— Хотя на дворе весна, погода все ещё прохладная.

Синь Юаньань сел рядом с ним, взглянул на книгу в его руках и, показав жестом Ху Цинь-эр,

чтобы она принесла плащ с вышитыми бамбуковыми листьями, накинул его на Гу Чжису. С улыбкой на губах он смотрел на высокое грушевое дерево в саду и тихо пробормотал:

— Снаружи всё перевернулось вверх дном, а тут, у тебя, вроде бы царит полный покой.

Гу Чжису почувствовал тепло, его взгляд стал мягче. Подняв глаза на профиль собеседника, он заметил синяки под ними и невольно нахмурился:

— Сколько дней ты не спал?

Синь Юаньань, видя, что тот хочет сесть, поспешно прижал его обратно и равнодушно ответил:

— Ничего особенного. После того весеннего пира мой «любезный» братец наговорил бог знает что отцу, и тот заподозрил меня. Ему еще и угодно было женить меня. Я отказался, и он заявил, что я унизил его. Я с трудом вырвался, чтобы увидеть тебя, и правда не хочу сейчас об этом говорить.

Гу Чжису почувствовал неладное, схватил его за запястье, резко повернулся и ударил ладонью по колену. Заметив, как вздрогнули зрачки у Синь Юаньаня, а лицо его помрачнело, он спросил:

— Ты перед приходом стоял на коленях, так?

Синь Юаньань, видя, что его раскрыли, беззвучно усмехнулся и не стал отрицать:

— Зачем тебе такие зоркие глаза?

Вспомнив прошлую жизнь и то, как Синь Юаньпин не раз предавал родного брата, Гу Чжису сжал кулаки:

— Как долго?

Синь Юаньань опустил взгляд и с легкой улыбкой произнес:

— День.

Гу Чжису сжал губы и, глядя на него, спросил:

— День или сутки?

— Ты уже догадался, о чем мне говорить?

Едва Синь Юаньань договорил, как Гу Чжису резко взмахнул рукавом: в его глазах читался гнев. Он собирался было уйти, но Синь Юаньань тут же поднялся, притянул его к себе и заключил в объятия. Улыбка на его лице была горькой, он тихо позвал:

— Яожун.

Гу Чжису, чувствуя, как тот сжал его запястье, и глядя в темно-синие глаза, в конце концов тихо вздохнул. Он провел ладонью по волосам у виска Синь Юаньаня и, глядя на него серьезно, произнес отдельно:

— Я знаю, что ты дорожишь братскими чувствами и не хочешь трогать Синь Юаньпина... Но твое нынешнее потакание приведет к тому, что в конце концов ты не сможешь вынести и его

долю, и убить его придется тебе собственноручно!

— Тогда поговорим об этом, когда придет время.

Слыша это, в глазах Синь Юаньня промелькнуло беспокойство. Он крепче обнял Гу Чжису и тихо ответил:

— Он все же мой старший брат, сын моей матери... Мать передала мне «Юэ Хуэй» и «Жи Э» во-первых, чтобы защитить меня, а во-вторых, чтобы я защищал его. Я не хочу разочаровывать мать на том свете.

Когда он закончил, Гу Чжису, вспомнив наложницу И, пошевелил губами, но больше не стал уговаривать.

Цинхуань, которая с самого начала, когда Синь Юаньня вошел и начал нежно общаться с Гу Чжису, широко раскрыла глаза и едва сдерживала возглас, но, прежде чем она успела что-то сделать, Ляньчжу и Ху Цинь-эр обменялись взглядами и увели её, оставив Ху Я. Тот, немного подождав, подошел и тихо доложил:

— Господин... с той стороны начали действовать.

— Кто действует?

Гу Чжису не успел ответить, как Синь Юаньня разжал объятия, обернулся к Ху Я и, прищурив темно-синие глаза, спросил:

— Дай-ка угадаю... Не Синь Линьхуа ли это?

Гу Чжису, услышав это, понял, что Синь Юаньня знал о связи Гу Хайтан и Синь Линьхуа еще до прихода, и не удивился. Он повернулся, снова сел на лежанку и спросил:

— Где они?

Увидев, что господа расстались, Ху Я невольно облегченно вздохнул:

— Идут в нашу сторону. Что касается старшей госпожи, то, согласно вашим указаниям, ей ничего не препятствовало, и она беспрепятственно покинула поместье.

— Сколько человек?

— Десять.

— Всего десять? — Гу Чжису усмехнулся. Подумав о том, что большинство смертоносцев Синь Линьхуа наняты за деньги и предательны только ради золота, он посмотрел на них с легкой насмешкой. — А я думал, он устроит большой парад. Знал бы, не стал бы просить тетю Мин Лин так волноваться и превращать двор в крепость, хватило бы и Ханьчжэня на посту.

Синь Юаньня смотрел на его профиль, когда вдруг его взгляд остановился на грушевом дереве во дворе. Голос его стал ниже, он произнес медленно:

— Они пришли.

Гу Чжису, видя, что тот встал, слегка нахмурился:

— Ты собираешься вмешаться?

Синь Юаньань моргнул своими темно-синими глазами. Солнечный свет с высоты заливал его красивые черты:

— Это твоя территория. Четвертый господин Гу, если ты прикажешь мне действовать, я осмелюсь.

Гу Чжису, видя, что тот совершенно не скрывает намерений — и так днем во дворе, да еще собирается вступить в схватку, — резко встал и повернулся, чтобы войти в комнату. Лицо его было безучастным:

— Если колени не болят, действуй.

— Яожун. — Синь Юаньань, видя, что тот действительно раздражен, с улыбкой последовал за ним в комнату, закрыл резную деревянную дверь и, подойдя к стоящему спиной к столу, заключил его в объятия, потеревшись щекой о его волосы. — Не сердись, ладно?

Гу Чжису был крепко зажат и на мгновение не мог вырваться. Лицо его постепенно покраснело. Спустя какое-то время он вдруг крикнул громко:

— Цинхуань!

Ляньчжу и Ху Цинь-эр, стоявшие снаружи, отпустили руку Цинхуань, как только вошли двое мужчин. Цинхуань все еще была в замешательстве от увиденного, но услышав голос Гу Чжису из комнаты, она машинально откликнулась:

— Гос... господин?

Голос Гу Чжису донесся из комнаты глухо:

— Принеси лекарственную настойку.

— А... а, есть!

<http://bllate.org/book/16652/1526427>